

К ВОПРОСУ О РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ТОРГОВЛЕ В 30–40-е ГОДЫ XIX ВЕКА

Новым этапом в развитии российско-китайских торговых отношений стали 30–40-е гг. XIX в. Рост промышленного производства в России стимулировал увеличение китайского экспорта. Товары, доставляемые из Поднебесной, пользовались большим спросом практически на всей территории Российской империи. К середине XIX в. расширение британской экономической экспансии на рынках Северного и Восточного Китая побудили российские власти к поиску новых путей развития торговых связей с Цинской империей.

V. Shkunov

TRADE RELATIONS OF RUSSIA AND CHINA IN THE 1830–1940s

The 1830–1940s became a new stage in the development of trade relations between Russia and China. The growth of industry in Russia influenced the Chinese export. There was a great demand for the goods from China in the home market, practically over the whole territory of the Russian Empire. But in the middle of the 19th century the English policy of expansion, broadening British market in the central and the northern parts of the country made the Russian authority to find new ways to the development of trade relations with the Chinese Empire.

30–40-е гг. XIX в. в российско-китайских торгово-экономических отношениях стали во-многом переломным, рубежным этапом, на протяжении которого произошли существенные изменения в структуре отечественного экспорта и импорта, а также в стратегии внешнеторговой политики российских властей на китайском направлении.

На протяжении длительного времени в российско-китайской торговле особое место занимала пушнина. Однако уже ко второй половине XVII в. в результате расширения промысла резко сократилось количество добытых зверей, особенно соболей. Это привело к введению запрета на экспорт особо ценных видов пушнины (соболь, го-

лубой песец, бобер и пр.). Лишь указом Екатерины II в 1762 г. этот запрет был снят, но в российском экспорте пушнины в Китай с последней четверти XVIII в. стали преобладать шкурки горносталя, белки, песца, зайца, лисицы и др. Именно пушной промысел способствовал складыванию крупного сибирского купеческого капитала, который впоследствии сменился золотодобычей. Снижение объемов пушного промысла наиболее ценных видов животных привело к расширению добычи бобров и котиков на Аляске и островах Тихого океана. Хозяйственное освоение Дальнего Востока, Камчатки, Аляски и тихоокеанских островов, увеличение добычи морских животных и промысла таежного зверя способствовали упрочению экономических связей новых районов освоения с Южной Сибирью и вовлечением дальневосточных предпринимателей во внешнюю торговлю империи.

В первой половине XIX в. среди кяхтинских купцов, специализировавшихся на торговле пушниной, особенно выделялись Стрижевы, Сабашниковы, Баснины и др. Только Баснины в конце 20-х гг. XIX в. закупили пушнины на 200–300 тыс. руб. [2, л. 57, л. 160–161]. Определенную долю пушнины поставляла на кяхтинский рынок и Российско-Американская компания. Несмотря на то, что основной сферой влияния компании являлись острова северной части Тихого океана, полуостров Камчатка, Аляска и тихоокеанское побережье Северной Америки, предприимчивые российские торговцы не оставляли без внимания и китайское направление. Так, добытые шкуры котиков (по 50 штук в тюке) свозились в Ситху, оттуда переправлялись в Охотск и затем – в Кяхту [12, с. 178]. В августе 1806 г. представители компании Быкадоров и Торопогрицкий на судне «Эклипс» американца Окенна вывезли крупную партию пушнины в Кантон. И хотя реализация товара в Кантоне оказалась не совсем удачной, в Китае была закуплена большая партия китайки (на 200 тыс. руб. асс.), ко-

торую доставили на Камчатку местному комиссионеру Мясникову [12, вып. 3, с. 14–17]. В июле 1810 г. американец Г. Эббет (поверенный богатого торговца Астора. – *В. III.*) заключил с компанией соглашение о закупке пушнины для ее вывоза в Кантон [Там же, с. 15]. Мысль о распространении морской торговли с Китаем высказывал и В. М. Головнин, который замечал, что переход от Камчатки до Кантона «для самого дурного в ходу судна ...не более может продолжаться как два месяца» [Там же, вып. 2, с. 120]. Более того, В. М. Головнин полагал, что для торговли с Китаем, Японией и другими государствами Востока следует основать общество или привилегированную торговую компанию («наподобие нынешней Американской»), «с тою только разностью, чтоб не отдать оному в полное владение земель и народов и не делать старших сего общества безответными властелинами участи многих тысяч подобных нам людей» [Там же, с. 121].

В 30-е гг. XIX в. Российско-Американская компания сбывала в Кяхте большое количество мехов. Особым спросом в Китае пользовались шкуры морских выдр, которые обменивались на чай, доставлявшийся затем в Москву и на Нижегородскую ярмарку. С 1821 по 1841 гг. компания продала чай на 9 316 342 руб. 61 коп., а также 17 319 тюков китайки на общую сумму 261 543 руб. 46 коп. [25, с. 375].

Начиная с 40-х гг. XIX в. сибирские купцы все чаще стали использовать для закупки китайских товаров не пушнину, а золото и серебро, добыча которых к этому времени значительно возросла. К середине века наблюдается внушительные вложения купеческого капитала в золотодобычу, что способствовало как его росту, так и расширению внешнеторговых операций. Этим, на наш взгляд, объясняется и некоторое снижение доли купцов из европейской части России, участвовавших в российско-китайской торговле на кяхтинском направлении. К 1850 г. сибирских купцов было уже в два раза больше, чем купцов, приезжав-

ших в Кяхту из европейских губерний империи [1, л. 86]. В структуре российского экспорта через Кяхту ведущее место занимали шерстяные и хлопчатобумажные ткани, которых вывозилось свыше 2 225 тыс. арш. [1, л. 87–87 об.] Обширный рынок сбыта стимулировал отечественную промышленность, повышал внешнеторговые обороты сибирских купцов. Как справедливо заметил В. Н. Разгон, «до появления золотопромышленности именно в русско-китайской торговле складывались самые крупные в Сибири капиталы, а купцы-кяхтинцы составляли финансовую элиту сибирского купечества» [19, с. 192].

К середине XIX в. количество сибирских купцов, принимавших участие в российско-китайской торговле и приезжавших в Ирбит и Нижний Новгород, значительно возросло. Расширяются и связи ведущих пушных ярмарок Сибири (Енисейской, Якутской, Охотской, Туруханской) с крупнейшими ярмарками России. Все это способствовало упрочению внутреннего рынка страны, развитию как внутренней, так и внешней торговли. К середине XIX в., по мнению А. Корсака, «торговые обороты с Китаем составляли 51% суммы оборотов по всей азиатской торговле» [10, с. 442]. При этом в Китай сбывалось до 71% всех российских мануфактурных и фабричных изделий, вывозившихся в страны Востока (что составляло 47% всего общероссийского экспорта) [Там же, с. 443]. К примеру, с 1842 по 1846 гг. в Китай вывозилось российских товаров на 6,5 млн руб.; таким образом, оборот торговли с Цинской империей в эти годы составил 13 млн руб. [23, с. 266].

Кяхтинский тариф действовал только на границе Российской империи в Восточной Сибири. Товары же, доставляемые из Кяхты, на своем пути до Волги проходили через множество таможен: в одних случаях беспошлинно, в других — с уплатой очень высоких тарифов. Все это побуждало торговцев к различного рода ухищрениям и обманам. Поэтому не случайно российские власти стремились к созданию унифици-

рованной системы таможенного контроля по всей азиатской линии. Только в 1817 г. Высочайшим манифестом был утвержден «Новый таможенный устав по азиатской границе, с формами объявлений». В 1841 г. был принят новый кяхтинский тариф, в соответствии с которым запрещался привоз вина, водки, металлических инструментов, мишуры, позументов, кружев, галунов, скота, соли, крашенных кож, золота в слитках и кольцах, чеканной российской монеты [11, с. 257]. Запрещался также ввоз невыделанных кож и опиума. Следует заметить, что экспорт опиума в Китай давал российским торговцам баснословные прибыли: пожалуй, ни один экспортный товар не приносил столь значительных барышей, как этот наркотик. Закупая в Ирбите и Нижнем Новгороде опиум по цене от 214 руб. 28 коп. до 228 руб. 57 коп. серебром за пуд, российские купцы продавали его китайцам сначала на вес серебра, а затем по цене 628 руб. 55 коп. — 880 руб. серебром за пуд., что обеспечивало 3–4-кратную прибыль. «Такой громадно-выгодный барыш на опиум позволял нашим купцам остальные вывозные в Китай товары продавать за-ничто, чем, конечно, они и введены там в большее употребление, и торговля с Китаем начала быстро развиваться» [Там же, с. 258]. Несмотря на последовавший в 1840 г. запрет на экспорт опиума, его вывоз не прекратился и в последующие годы: к середине XIX в. по всей восточно-сибирской границе процветал контрабандный вывоз наркотика.

Во второй четверти XIX в. российские торговцы проявляют интерес не только к традиционным товарам китайского экспорта, но и к новым, востребованным на отечественном рынке. Это объяснялось как качественными изменениями в сфере материального производства в России, особенностями потребительского спроса, так и быстро менявшейся ситуацией на внутреннем рынке Китая в связи с активизацией деятельности европейских торговцев. В 1833 г. российским купцам и коренным народам Сибири, которые занимались в

Кяхте мелочною торговлей, было разрешено производить обмен с китайцами скота, хлеба, других продовольственных и сельскохозяйственных изделий (кроме мерлушки). При этом значительно был уменьшен размер таможенной пошлины: с 20% (как предусматривал Кяхтинский тариф 1800 г.) до 1%. Кроме этого были сняты ограничения на продажу в Китай солдатских сукон с взиманием пошлины по Кяхтинскому тарифу [22, ч. 1, с. 258]. Таможенное очищение товаров, доставляемых из Китая в Кяхту, осуществлялось на Кяхтинской и Цурухайтуевской таможенных заставах. Эти таможенные административно не входили ни в один из таможенных округов, а, учитывая важность китайского экспорта, состояли в непосредственном подчинении Департамента внешней торговли. На протяжении всего рассматриваемого периода российско-китайская торговля осуществлялась в форме менового обмена. Такое правило действовало по всему пограничью Цинской империи, внутренняя же торговля (как оптовая, так и розничная) осуществлялась за наличные деньги [7, с. 356]. Меновой обмен с иностранцами, в том числе с россиянами, был выгоден китайцам. Растущий в Европе и странах Азии потребительский спрос на чай и китайские изделия способствовал тому, что интерес к торговле с Поднебесной проявляло все большее количество торговцев. По мнению российского исследователя И. Орлова, к китайской границе с каждым годом доставлялось все больше и больше иностранных товаров, однако китайские купцы при этом не увеличивали объемы экспорта. Это приводило к тому, что иностранцы, в том числе россияне, сбывали отечественные товары по низким ценам, а с учетом растущего спроса в России на китайские товары, цены на них росли [15, с. 415]. К примеру, в 30–40-е гг. значительно вырос экспорт российского сукна в Китай: 1829–1833 гг. – 1,82 млн руб., 1834–1838 гг. – 2,54 млн руб., 1839–1843 гг. – 3,24 млн руб., 1844–1848 гг. – 2,95 млн руб. [23, с. 280]. Если до 1830 г. соотно-

шение вывоза пушнины к мануфактурным изделиям определялось как 1 : 3, то к 1846 г. этот показатель был уже 1 : 4 [24, ч. 1, с. 103]. В Цинской империи хорошо были известны сукна, выработанные на фабриках Коженикова, Рыбниковых, Бабкиных, Александрова [Там же]. Тонкий знаток Востока Е. Ковалевский замечал: «...уступая китайцам в убыток себе фабричные произведения и наверстывая этот убыток при продаже чая, русские купцы поддерживают свои товары в Китае в такой низкой цене, что даже английские не могут соперничать с нашими. Правда, от такого соперничества более всего выигрывают китайцы...» [9, с. 142].

На протяжении всей первой половины XIX в. российский экспорт через Кяхту растет, достигнув почти 40% всего вывоза в Азию к 1840 г., а к 1850 г. – 60,5% [20, с. 180, 300]. Среди экспортных товаров возрастает количество готовых изделий: хлопчатобумажных тканей, сукна и др., что отражало общую динамику развития российской экономики. Здесь, в Кяхте российские торговцы не испытывали той гнетущей атмосферы конкуренции, которая царилла, к примеру, на иранском рынке. Обширный китайский рынок способен был к поглощению значительного количества российских товаров. Вот почему, не смотря на значительную удаленность Забайкалья от промышленных и торговых центров страны, неразвитость коммуникаций, кяхтинское направление внешней торговли привлекало внимание многих российских предпринимателей из европейской части России. Вместе с тем во второй четверти XIX в. в кяхтинской торговле отмечалось постепенное уменьшение числа купцов из европейской части империи. К примеру, в 1824 г. их насчитывалось в Кяхте 17 (сумма годового оборота – 8 898 986 руб.), а сибирских купцов – всего 7 (2 893 869 руб.). В 1851 г. ситуация стала совершенно иной. В этот год в Кяхте вели свои операции 22 купца из европейской части России (оборот 4 676 740 руб.) и 55 сибирских купцов (оборот 7 094 423 руб.) [24, ч. 2, с. 107]. В организа-

ции торговли на кяхтинском направлении были и свои сложности. Местные купцы закупали товары на крупнейших ярмарках страны на весь год, а очень долгая транспортная перевозка нередко приводила к порче товара. Так, к примеру, путь от берегов Волги до Хабаровска занимал 297 дней [3, с. 11].

На протяжении всего рассматриваемого периода китайские товары находили сбыт на всей территории Российской империи: их можно было встретить от Камчатки до Прибалтики, от Кольского полуострова до Закавказья. По статистическим отчетам об объемах ярмарочной торговли в разных городах России можно судить как о географии распространения китайских товаров в нашей стране, так и об их доле в общих объемах торговли. Эти сведения, содержащиеся в отчетах ярмарочных комитетов, на наш взгляд, в своей совокупности оказываются более точными, чем данные «Государственной внешней торговли в ее различных видах», которые содержат лишь общие сведения о ежегодном импорте китайских товаров в Российскую империю. Приведем некоторые примеры. Так, в 1833 г. на Ростовскую ярмарку, одну из важнейших в России (г. Ростов Ярославской губернии. — *В. III.*), было доставлено чая на 2 025 000 руб. (продано на 1 800 000 руб.). В общем объеме привоза чай составил 19%, а в продаже — 28% (подсчитано нами. — *В. III.*) [16, с. 120–130]. В этот же год на Нижегородскую ярмарку чай привезли на сумму 14 521 750 руб. [14, с. 94]. Много это или мало? Известный российский исследователь XIX в. И. Горлов, профессор Санкт-Петербургского университета, основываясь на данных официальной статистики, полагал, что в 1830–1840 гг. «чаю выменивалось в Кяхте на 2 150 000 руб. сер. в год» [5, с. 285]. Сопоставляя суммы продаж чая на Ростовской и Нижегородской ярмарках с цифрами всего привоза чая из Кяхты, видим, что данные официальной статистики по российско-китайской торговле далеко не полные. Подобного рода ситуация наблюдалась и на других ярмарках страны. Еже-

годный привоз китайского чая в период с 1824 по 1834 г. составлял, по данным Г. П. Неболсина, 152 870 пуд. [13, ч. 2, с. 234]. Иные данные приводились в «Экономическом журнале» за 1858 г. (почерпнуты из «Статистического обозрения Сибири» Ю. Гагемейстера, 1854 г. — *В. III.*): ежегодный привоз чая составлял в 1821–1830 гг. — 143 196 пуд., в 1831–1840 гг. — 190 228 пуд., в 1841–1851 гг. — 270 591 пуд. [27, с. 1].

Новым фактором в российско-китайской торговле в конце 30-х — начале 40-х гг. XIX в. стало усиление позиций британского капитала в Китае. Россия внимательно следила за тем, как английские предприниматели расширяли свою деятельность в Шанхае и других приморских городах, а также продвигали свои товары в центральные и северные районы страны. Ограничение торговой деятельности российских купцов Кяхтой, невозможность открыто и свободно осуществлять торговлю в самом Китае с учетом усилившейся конкуренции британских торговцев могло привести к невыгодным последствиям для отечественных купцов. Неслучайно в адрес российских властей поступают жалобы купцов, а также аналитические записки официальных лиц, хорошо знающих ситуацию на рынках Китая. В них, в частности, предлагалось обратить внимание российского правительства на развитие морской торговли (через Амур), а также официальную защиту интересов отечественных купцов путем переговоров с цинским правительством [4, с. 428–430]. Также в конце 40-х гг. российские власти ужесточили контроль над ввозом в страну так называемого кантонского чая, который прежде попадал в Россию как реэкспортный товар для последующего вывоза за границу. Весь конфискованный кантонский чай отныне подлежал обязательному уничтожению в таможнях [22, ч. 1, с. 259]. Для облегчения торговой деятельности отечественных торговцев в Кяхте российские власти разрешили перевод пошлин по векселям с залоговым обеспечением недвижимого имуще-

ства. Важным решением стали меры по поощрению российской торговли с Китаем в Синьцзяне. В течение 5 лет все отпускные и привозные товары освобождались от уплаты пошлин (кроме чая). При этом предпочтение отдавалось импорту разнообразных китайских товаров, и запрещались к вывозу золото и серебро в слитках и монете, огнестрельное оружие, опиум и порох [22, ч. 1, с. 261].

В 30-е гг. XIX в. Китай все больше становится привлекательным и для других европейских держав. В России это также хорошо осознавали. На страницах отечественной периодической печати появляются переводы описаний путешествий европейцев в Китае. Часто их торгово-экономическая разведка в Поднебесной камуфлировалась под деятельность христианских миссионеров. Приведем один пример. В 1832–1833 гг. в Китае побывал прусский миссионер Карл Гюцлаф, посетивший северо-восточный Китай, Корею и Японию. Отплыв из Макао 26 февраля 1832 г. вместе с чиновниками Ост-Индской компании, загрузившими на борт судна «Амгерст» большое количество английских товаров, миссионер посетил многие южные приморские китайские города, в том числе на острове Формоза (Тайвань. — *В. Ш.*). Далее их путь лежал на Шанхай. Здесь они открыто и свободно стали продавать английские товары. После удачной коммерции европейцы посетили Корею, где имели аудиенцию у короля, и затем японские острова. Путевые впечатления хорошо знавшего Восток и трижды побывавшего в Северном Китае Карла Гюцлава были опубликованы в «Журнале мануфактур и торговли» (1833 г.). Вполне естественно, что просвещенный российский читатель увидел в этой публикации не только путевой дневник проповедника (кстати, свободно владевшего китайским языком. — *В. Ш.*), но и сигнал о том, что европейцы (вслед за северным Ираном. — *В. Ш.*) активизируют свою торгово-экономическую деятельность в северных и восточных районах Ки-

тая [18, с. 85–97]. Тремя годами ранее в Санкт-Петербурге вышел перевод книги Фан-дер-Фельде «Посольство в Китай» с описанием миссии британца Макартнея, который также провел переговоры «в рассуждении таможенных притеснений и торговых сношений Англии с Китаем» [26, с. 29]. Этот список можно продолжить. Расширение числа публикаций о Китае в России, в том числе переводной литературы, в 30-40-е гг. XIX в. свидетельствует о повышении интереса в российском обществе к соседней империи. В центре внимания оказываются не только общие сведения о стране, но и прежде всего ее экономическая жизнь, торговля, внешние связи с другими государствами.

30–40-е гг. XIX в. можно рассматривать качественно новым (и одновременно целостным) этапом в российско-китайской торговле и потому, что в самом Китае происходят существенные перемены в финансовой и экономической системах. Нарастание ввоза в Поднебесную опиума привело к тому, что из страны в огромном количестве стало вывозиться серебро. По данным, которые приводит известный отечественный синолог Г. Ефимов, в течение 30–40-х гг. цены на серебро в Цинской империи выросли в 4,7 раза [6, с. 35]. Это резко ухудшило социально-экономическую ситуацию в стране. В 1830–1837 гг. вспыхивают крестьянские восстания на островах Хайнань, Тайвань, а также в Гуандуне, ставшие прелюдией великого тайпинского восстания. Наконец, первая опиумная война, окончившаяся поражением Китая и заключением Нанкинского (29 августа 1842 г.) договора, привели к созданию системы «открытых портов». В 1844 г. свои торговые договоры навязали китайскому правительству США и Франция. Усилившаяся торгово-экономическая экспансия европейских держав в Китае не могла не обеспокоить российские власти. Утверждение европейских торговцев на юге и востоке империи, проникновение европейского капитала вглубь страны — все это создавало реаль-

ную угрозу внешнеторговым интересам России. Усилия, предпринятые российскими властями, привели к заключению Кульджинского договора, в соответствии с которым Китай брал на себя обязательства создать благоприятные условия для торговли России в Кульдже и Чугучаке [21, с. 58–62].

Успехи кяхтинской торговли, стремление российских властей к расширению экономических связей с Китаем, усилия дипломатов способствовали поиску компромисса в решении вопроса о взаимной торговле на других участках китайской границы. И если цинская сторона (прежде всего китайские торговцы) опасалась намерений России расширить торговлю вдоль всей границы по Амуру, то к середине XIX в. ситуация изменилась: с восшествием на престол в 1850 г. нового императора (девиз правления – Сяньфэн. – *В. III.*) Санкт-Петербург добивается значительного прогресса в переговорах с Пекином. В 1851 г. заключается Кульджинский договор, в соответствии с которым российские купцы получают право на меновую торговлю в Кульдже и Чугучаке. На наш взгляд, заключение данного договора имело исключительно большое значение. Через несколько лет разразилась Крымская война. Резкое обострение отношений России с европейскими державами, блокирование черноморских проливов для отечественных судов – все это могло крайне негативно отразиться на экономике империи. Обеспечение же своих торгово-экономических интересов на Востоке (в том числе дипломатическим путем) позволило российским властям в определенной мере смягчить последствия тех экономических потерь, которые стали

неизбежными в результате Крымской войны. Иначе говоря, восточное направление внешней торговли Российской империи в определенной мере компенсировало то, что страна потеряла на европейских и ближневосточных рынках. Что касается торговли с Китаем, то торговые отношения для наших стран были взаимовыгодными: к середине XIX в. импорт китайского сырья в Россию приобретал особое значение для роста кожевенного, суконного, хлопчатобумажного производства, а повышение объемов китайского экспорта в Россию чая, шелковых изделий, фарфора стимулировало их изготовление в Поднебесной [8, с. 557]. Однако при этом сохранялись те трудности, которые были характерны для российско-китайской торговли на протяжении многих десятилетий. Даже в 80-е гг. XIX в. Н. М. Пржевальский замечал: «По-прежнему китайцы смотрят на нас свысока, по-прежнему тормозят нашу торговлю, по-прежнему придираются ко всякому удобному случаю, чтобы нарушить то или другое условие трактатов» [17, с. 532].

Тем не менее торговые связи с Китаем, безусловно, были выгодны российским предпринимателям. Рост потребительского спроса на чай в России стимулировал расширение торговых оборотов между странами, а растущая отечественная промышленность находила в Китае обширный рынок сбыта готовых изделий. Несмотря на многочисленные трудности (путь в Кяхту и доставка оттуда чая составляли более 10 000 верст), российско-китайская торговля в рассматриваемый период динамично развивалась и являла собой уникальный пример самой грандиозной сухопутной торговли в мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. РГИВА. Ф. 1265. Оп. 3. Д. 167.
2. РГАДА. Ф. 1069. Оп. 1. Д. 28.
3. Бурилова М. Хабаровск купеческий в фотографиях и документах. – Хабаровск: ИД «Приамурские ведомости», 1999. – 48 с.
4. [Галлаховский Петр] К истории нашей торговли с Китаем // Русский Архив. – 1904. – Т. 11. – С. 426–432.

5. [Горлов И.]. Обзорение экономической статистики России / Составлено И. Горловым, профессором Санкт-Петербургского университета, членом обществ — Вольного экономического и Русского географического в Санкт-Петербурге, Северных антиквариетов в Копенгагене и др. — СПб.: в Тип. Имп. Акад. наук, 1849. — 333 с.
6. *Ефимов Г. Е.* Очерки по новой и новейшей истории Китая. — М.: Госполитиздат, 1951. — 575 с.
7. *Иакинф.* Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение / Соч. монаха Иакинфа. — СПб.: в Тип. Имп. Акад. наук, 1840.
8. История России: Россия и Восток / Сост. Ю. А. Сандулов. — СПб.: Лексикон, 2002. — 736 с.
9. *Ковалевский Е.* Путешествие в Китай. — Ч. 2. — СПб.: в Тип. Королева и К^о, 1853. — 213 с.
10. *Корсак А.* Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем / Соч. А. Корсака. — Казань: Издание книгопродавца Ивана Дубровина, 1857. — 445 с.
11. *Красовский.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов / Сост. Красовский. — Т. 16. — Ч. 2. — СПб.: Тип. А. Траншеля, 1868. — 464 с.
12. Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана: Прилож. к Морск. сб. — СПб.: Тип. Морск. Министерства, 1861. — Вып. 4: Извлечения из описаний путешествий русских и иностранных мореплавателей и других сочинений; Прилож. к Морск. сб. № 4, 1861. — 240 с.
13. *Неболсин Г.* Статистические записки о внешней торговле России / Составленные Григорием Неболсиным: В 2 ч. — СПб.: Тип. Департамента внешней торговли, 1835. — Ч. 1. — 223 с.; Ч. 2. — 283 с.
14. О Нижегородской ярмарке 1833 года (Из ведомости местного начальства) // Журнал мануфактур и торговли. — 1833. — № 11. — С. 67–101.
15. *Орлов Иван.* Новейшее и подробнейшее историческо-географическое описание Китайской империи / Сочиненное кол. сов. и кавалером Иваном Орловым. — Ч. 1–2. — М.: в Универ. тип., 1820. — Ч. 1. — 415 с.
16. О Ростовской ярмарке, бывшей в текущем 1833 году // Журнал мануфактур и торговли. — 1833. — № 7. — С. 120–130.
17. *Пржевальский Н. М.* От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима / Н. М. Пржевальского. — СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1888. — 536 с.
18. Путешествие прусского миссионера Карла Гюцлафа к северным берегам Китая // Журнал мануфактур и торговли. — 1833. — № 5. — С. 85–97.
19. *Разгон В. Н.* Сибирское купечество в XVIII — первой половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. — Барнаул: Изд-во Алт. гос. унив-та, 1998. — 660 с.
20. *Рожкова М. К.* Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. — М.: Изд-во АН СССР, 1949. — 390 с.
21. Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916 / Под общ. ред. В. С. Мясникова. — М.: Памятники исторической мысли, 2004. — 696 с.
22. *Семенов А.* Изучение исторических сведений о Российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год / А. Семенова. — Ч. 1–3. — СПб.: в Тип. И. И. Глазунова, 1859. — Ч. 1 — 295 с.; Ч. 2. — 376 с.; Ч. 3. — 536 с.
23. *Субботин А. П.* Курс промышленной экономии и коммерческой географии в связи с торгово-промышленной статистикой России и главнейших государств мира. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1878. — 328 с.
24. *Тарасов С. А.* Очерк кяхтинской торговли // Журнал мануфактур и торговли. — 1858. — Ч. 1: № 2, февраль. — С. 79–104; Ч. 2: № 3, март. — С. 105–125.
25. *Тихменев П.* Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ея до настоящего времени. — Ч. I. — СПб.: в Тип. Э. Веймара, 1861. — 386, [66] с.
26. *Фан-дер-Фельде.* Посольство в Китай / Сочинение Фан-дер-Фельде; Пер. с нем. Валериан Лангер. — Ч. 1. — СПб.: в Тип. Департамента народного просвещения, 1830. — 241 с.
27. Чайная торговля и потребление чая в России // Экономический журнал. — 1887. — № 2, февраль. — С. 1–34.